

Телеграмма

из Ирана

Одно из самых авторитарных государств мира оказалось бессильно против мессенджера Дурова



Reuters

После судебного запрета Telegram в Иране у россиян слегка отлегло: слава богу, мы не одиноки на планете! Есть еще страны, ответственно относящиеся к защите традиционных ценностей. Порадовала и родственная мотивация: духовный вождь аятолла Хаменеи, ликвидируя свой официальный Telegram-канал, заявил: поступаю так ради защиты национальных производителей и безопасности Родины. Скажем дружное «нет» монополии Дуровых.

С дружным «нет» в Иране не спросить. Технически отсталые граждане по старинке подключили VPN; продвинутая молодежь скачала специальную версию Telegram — Digital Resistance («Цифровое сопротивление») со встроенным прокси-сервером, который вообще невозможно обойти с помощью существующих у Ирана средств борьбы с интернетом. Острословы, видимо, когда-то учившиеся в вузах СССР, сочинили анекдот об «альтернативе Telegram» — иранском мессенджере «Соруш», который-де довел статус сообщений до совершенства. Если у Telegram было только две галочки (для уведомления о доставке и для подтверждения прочтения получателем), то у «Соруша» галочек целых три: доставка, прочтение адресатом и прочтение дежурным офицером национальной безопасности.

«Соруш», конечно, не такая позорная подделка, как российский «убийца Telegram» — мессенджер «Диалог М», на взлом защиты которого ушло ровно 4 минуты, тем не менее шансов на конкуренцию у «Соруша» нет никаких.

У «Соруша» нет шансов на конкуренцию с Telegram в Иране, потому что для Ирана Telegram — не мессенджер. Не будет преувеличением сказать, что Telegram в Иране — синоним самого интернета. Программой пользуются 50 млн иранцев из 80, проживающих в стране, а трафик, проходящий через Telegram, составляет 40% всего цифрового трафика Ирана.

Поскольку в Иране «Википедия», YouTube и IMDB заблокированы с 2006-го, а Facebook, Twitter, спутниковые каналы и СМС-переписка — с 2009 года, Telegram является заменителем всех форм социального общения, крупнейшим хабом онлайн-коммерции, главным источником альтернативной информации и единственным универсальным каналом для мониторинга за реальным состоянием общества.

В подобном контексте решение суда об обязательной блокировке Telegram всеми провайдерами Ирана не идет ни в какое сравнение с аналогичным запретом мес-

сенджера в России, где Telegram — не более чем рядовой мессенджер. Неудивительно, что в РФ демарш государства закончился запусканием самолетиков, а в Иране — породил цунами гражданского неповиновения: число старых и новых способов обхода блокировок претендует на Книгу рекордов Гиннеса. К одним только прокси-серверам эстонской Vee Security за 15 минут 1 мая подключилось 700 тыс. пользователей из Ирана — обстоятельство, позволившее Александру Литрееву, директору компании, с гордостью написать у себя в твиттере: «Очень клевое ощущение того, что мы действительно спасаем интернет. И не только в России».

Telegram запретили в Иране хронологически после России, а это создает опасную иллюзию параллелей. На самом деле параллелей нет — ни в технических возможностях власти, ни в ее мотивациях, ни — главное — в отношении населения двух стран к схожим демаршам.

Начну с сути запрета: «Учитывая многочисленные жалобы иранских граждан на Telegram и исходя из требований государственных структур безопасности, направленных на предотвращение нелегальной

рассказывал читателям «Новой газеты» о роли, которую сыграл Telegram в иранских уличных демонстрациях 2017-го: несколько каналов, принадлежащих радикальным группировкам призывали к насилиственным действиям, и руководство Telegram собственоручно их заблокировало. 20 декабря Тегеран потребовал отключить от эфира канал оппозиционного журналиста Рухоллы Зама, Telegram отказался и мессенджер запретили.

В январе блокировку сняли — в основном усилиями избранного на второй срок президента Хасана Рухани, который с 2012 года обещает обществу смягчение цензуры (между прочим, самой жесткой в мире).

Заботу Рухани о Telegram объяснить несложно: победивший президент доносил до своих избирателей идеи предвыборной кампании преимущественно через информационные каналы этого самого мессенджера.

Реакция Хасана Рухани на судебный запрет Telegram 30 апреля 2018 года также оказалась предсказуема: «Когда-то мы уже закрывали спутниковое телевидение. Разве это помогло? Разве люди не продолжают его смотреть? Теперь мы говорим, что киберпространство — это плохо. Но говоря это, разве мы решаем проблему? Иранцы должны иметь возможность самостоятельно во всем разобраться. Мы великая и образованная страна. Мы великая нация. Мы должны объяснить людям, как пользоваться инструментом. Любой инструмент, если его неправильно использовать, может стать опасным».

Если президент страны выступает с такими речами после запрета Telegram, кто же тогда издает эти запреты?

Иран — страна, трагически разделенная: на сторонников исламского государства, которое Иран официально строит с февраля 1979 года, и сторонников опять-таки исламского государства, однако в альтернативном, более мягким в идеологическом отношении обличии. Примером последнего можно считать современную Малайзию.

Telegram в Иране находится в эпицентре борьбы, которая разворачивается не между властью и обществом, а между различными ветвями самой власти. Telegram уже запрещали раньше, затем разрешали, теперь снова запрещают. Маятник качается из стороны в сторону, потому что

Telegram, как уже отмечалось выше, — не обычный мессенджер, а символ всего интернета.

Радикальные исламисты стоят за запрет мировой компьютерной Сети как альтернативного источника информации и знаний. Позицию умеренных исламистов четко обозначил президент Рухани: «Если мы хотим, чтобы киберпространство приносило пользу обществу, мы должны обучать подрастающее поколение пользоваться этим киберпространством. Блокировка не решает проблем».

Напомним, что Facebook, Twitter, YouTube и прочие американские сервисы благополучно исключены из жизни иранского общества почти как 10 лет. И никаких попыток вернуть их к жизни не предпринимается. Объяснение на поверхности: перечисленные сервисы — проводники мыслей и идей западной цивилизации, которая давно уже не находит ни отклика, ни понимания в иранском обществе. Совсем другое дело Telegram, символизирующий право граждан на доступ к независимой информации. В российском запрете мессенджера нет ни идеи, ни принципа, ни целеполагания. Нет ни стратегии, ни тактики.

Российской власти совершенно нет дела ни до информационных каналов в Telegram, ни до ключей криптозащиты, ни до VPN, ни до прокси-серверов, ни до альтернативных отечественных программ, ни до развития Рунета в будущем. Есть дело только до одного — нарушения руководством Telegram ритуала подчинения.

Поскольку сегодня очевидно, что Дуров и дальше ничего исполнять не собирается, а блокировка миллионов IP-адресов — путь тупиковый, можно предположить, что в ближайшем будущем (думаю, еще до начала ЧМ по футболу) все блокировки отыграют обратно, дело спустится на тормозах и забудется.

Главное, что у российского государства в отличие от иранского нет разногласий с обществом по принципиальным вопросам: опрос общественного мнения, проведенный в конце апреля, показал, что передачу правоохранительным органам личной переписки одобряют 59% российских граждан, и лишь 28% усматривают в этом ограничение свободы слова или цензуру. Так зачем при таком единодушии лишние усилия.

Сергей ГОЛУБИЦКИЙ,
специально для «Новой»